

НОМИНАНТЫ ПАТРИАРШЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ

ВЛАДИСЛАВ БАХРЕВСКИЙ

НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

Герои Людиновского подполья
в годы Великой Отечественной войны

Издательство
Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2012

Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 12-213-1264

Бахревский В. А.

Б306 Непобежденные: Герои Людиновского подполья в годы Великой Отечественной войны. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. — 464 с. (Номинанты Патриаршей литературной премии.)

В. А. Бахревский, лауреат Пушкинской премии, номинант Патриаршей литературной премии – 2012, автор более 50 произведений, посвятил эту книгу героям Людиновского подполья, действовавшего в годы Великой Отечественной войны на Калужской земле. Партизанское движение там зародилось сразу после начала немецкой оккупации края осенью 1941 года и просуществовало вплоть до 1943 года. Ключевыми фигурами его были Алексей Шумавцов и священник Викторин Зарецкий. Но если о подвиге Алексея Шумавцова знала вся страна, то о протоиерее Викторине по понятным причинам не говорили. Но прошли те времена, и сегодня мы имеем возможность ознакомиться с историей непростого жизненного пути священника Русской Православной Церкви, который лишь в 2007 году был посмертно награжден медалью «За отвагу». Его подвиг служит для нас добрым примером того, как можно в своей жизни сочетать любовь к Богу с любовью к своему Отечеству, а значит, и к ближнему.

© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2012
© Бахревский В. А., 2012

ISBN 978-5-88017-303-7

Слово к читателю

С каждым годом мы все дальше и дальше уходим от славного Дня Победы, когда в мае 1945 года закончилась Великая Отечественная война и был повергнут, казалось бы, непобедимый враг — фашистская Германия. Тогда в дома миллионов людей по всей Земле пришли мир и спокойствие. Но чтобы достичь этого, нашим народом была принесена неоценимая жертва — десятки миллионов людей отдали свои жизни, боль и страдания вошли в каждую семью, но ничто не смогло заставить людей отказаться от любви к Богу и Родине. Люди разного сословия, в том числе и священнослужители, которые пережили репрессии, со дня объявления войны шли защищать свой дом, свои святыни, свою веру. Шли на верную смерть, воплощая в жизнь слова Христа: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). И наш долг — помнить этот подвиг любви, передавая молодому поколению те героические события Великой Отечественной войны, из которых складывалась общая победа.

Ярким примером такого подвига любви к Родине является деятельность Людиновского подполья, одной из ключевых фигур которого был настоятель Свято-Лазаревского храма г. Людиново протоиерей Викторин Зарецкий. О его подвиге в советское время по политическим мотивам не говорили, и имя его не указывалось в учебниках истории, так как в коммунистической идеологии тех лет понятия «священнослужитель» и «герой» являлись несовместимыми. Но прошли те времена,

и сегодня мы имеем возможность с помощью этой книги ознакомиться с историей непростого жизненного пути священника Русской Православной Церкви, его семьи, близких и знакомых, которые ценой собственной жизни, не жалея ни сил, ни здоровья, помогали партизанам в нелегкой борьбе с немецкими захватчиками. Для примера можно привести свидетельство руководителя Людиновского подполья — В. И. Золотухина, который писал: «...если очень коротко, то мы получали от отца Викторина всю информацию упреждающего характера о проведении карательных экспедиций против партизан и партизанских семей с участием полицейских; приметах засылаемых в партизанский отряд вражеских агентов...» Благодаря этому были спасены жизни многих людей ценой ежедневного риска для жизни самого отца Викторина и всех его родных.

Пусть же подвиг протоиерея Викторина Зарецкого послужит для нас добрым примером того, как необходимо в своей жизни сочетать любовь к Богу с любовью к своему Отечеству, а значит, и ближнему, ведь мы знаем, что без последнего невозможно и первое, потому как *кто говорит, «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец»* (1 Ин. 4, 20).

Так будем же жить по правде Божией, ибо Бог есть *путь и истина и жизнь!* (Ин. 14, 6).

Председатель Издательского Совета
Русской Православной Церкви
митрополит Калужский и Боровский
КЛИМЕНТ

Людиновский батюшка

Отец Викторин поднимал и поднимал голову, и сосны от его восхищения все подрастали и подрастали, и, чтобы увидеть вершины, голову пришлось запрокинуть.

— Господи, чудо!

Всё в Людинове чудо: озеро Ломпадь, река Неполоть. Сколько красоты и тайны в этих словах, в этой музыке звуков: Не-по-лоть! Лом-падь! Но самое-то самое — люди, как счастье.

В людях Людинова жива детская вера в торжество правды, потому и Богом любимы. Город мастеров. Испокон века творят людиновские мастера могущество русское. Русское умельство в сметливости, в даровитых руках. Ну, а про лес один сказ: Брынский.

Между колеями дороги, проселочной, для телег, — свечи цветущего подорожника, ромашка-простушка, тысячелистник. Уж такой обычный, но ведь — изумление!

Земля — подзол, да не серый — в позолоте. От солнца? Скорее всего — это отсветы сосен. И — огромное, зеленое!.. Государь лес. По нынешним временам — товарищ. Брынский товарищ лес.

Батюшка, взглядывая на сосны, торопливо раздвигал треногу старенького этюдника, приготовлял тюбики красок, палитру, кисти. А сам все

посматривал на сосны, словно золотая застава витязей могла исчезнуть.

Принялся писать зеленое. Глазами радовался: то, что именуется «зеленое», посложнее радуги. Он это видел. Ивы, наклонившиеся над ручьем, — одно, лапы сосен, трава на пригорке — иное. А мох? Ах, какое это зеленое! Столбики одуванчиков, лишайники на камне — зеленые, но разница-то сколь велика! Самостоятельные цвета. А тона кроны березы, дуба! А полутона!

Даже сердце заболело. Привычно заболело. С детства знакомой болью. Врожденный порок.

«Уймись!» — сказал себе отец Викторин.

Нелепо разболеться, растрогавшись красотой земли и огорчившись скудостью мастерства: как, с чем смешивать краски, чтобы получить нужное? Киргизы различают сорок лошадиных мастей, а какова зеленая палитра России?

На тебе! Все померкло. Серая наволока затянула солнце. Зеленое стало одноцветным.

Отец Викторин ударил кистью сверху вниз. Вот и сосна. Пока что не живая, не чудо. Но ждать солнца сегодня не приходится.

Принялся за вторую сосну. Со смирением. Темная кора снизу, а к вершине юное, нежно-золотое. Для неба места осталось совсем немного, но синева удалась. Пронзительная. Истинная.

И почувствовал — ноги не держат. Сколько простоял за этюдником — неведомо. Счастливые часы не наблюдают. Сел в траву, виновато глядя на этюд. Начал, покорный природе, и, как всегда, нафантазировал.

Провел ладонью по траве: гусиные лапки, клеверок...

Вспомнил: матушка положила в сумку бутылку молока и пирожки. Прочитал молитву. Молоко выпил единым духом — жажда одолела. Пирож-

ки матушкины! Рис, яйцо, мука... Но все это на молитве и любви.

Улыбнулся. Полина Антоновна — непослушание родительской воле. А греха нет. Выбор не по расчету, не здравостью ума — счастье! Их любовь Господь благословил.

Вчера, в воскресенье, приезжал из Огори добрый человек Григорий. Квартуру в его доме снимали. Когда отказывал в постое — плакал. Обложили Григория за сдачу попу половины избы налогом дичайшим. Будто в Зимнем дворце та квартира.

В Огори пришлось трижды менять хозяев. Прямых гонений на священство нынче нет, вот только крыши над головой лишают. Невдомек им, что над советской семьей изгаляются — у попа и попады паспорта с серпом и молотом.

Впрочем, велика ли напасть по квартирам мыкаться. Не на Соловках, чай, не в разлуке с семьей. С храмом Божиим, Господи, неразлучен!

Смотрел на сосны и уже не видел сосен.

Почему не посадили, не пытались превратить в соглядатая за батюшками, за паствой? Может быть, спохватились: сколько в стране священников осталось? Сколько их нынче в Орловской области?

Перед глазами возникло удивительно спокойное лицо батюшки Афанасия Нагибина. Ему ставили в вину церковную пропаганду среди детей. Просил бабушек петь с внуками стихиры и народные песни о Богородице, о святых угодниках.

— Расстрелян, — вырвалось вслух. — За попечение о детских душах. — И вздрогнул: дети поют молитвы и на его службах. Детское пение сродни пению птиц весной.

— Господи! Неужто большевикам не надобны совестливые люди? Совестливый народ?

Вера в Бога совесть человеческую в чистоте содержит.

Нечаянно пропущенные клубни на картофельном поле — вот что такое нынешнее священство.

И диво! Душа исполнилась прикосновения Духа Святого!

— «Услыши, Боже, моление мое, вонми молитву моей. От конец земли к Тебе возвах, вегда уны сердце мое, на камень вознесл мя еси, наставил мя еси. Яко был еси упование мое, столп крепости от лица вражия...»

В счастье облекся, в силу. И ужаснулся.

Из лесу по дороге шел человек. Слышал, конечно, молитву. Совсем юноша.

Высокий, худощавый. Лоб открытый, а по глазам не определишь, доброе ли несет в себе. Глаза спрятал за ресницами. Вдруг глянул. Быстро, цепко. Слышал. Донесет? Но молитву творил поп. Однако ж громко! За пределами церкви. А сие — пропаганда религии. Птицам проповедовал учение Христа? Соснам? В такие мелочи «особая тройка» вникать не станет.

Поравнявшись, прохожий склонил голову, осенил себя крестным знаменем и, так и не подняв глаза, подался с дороги лугом, прочь.

Вскрутилось в груди отца Викторина. Не боль, не смута... Даже матушке Полине Антоновне объяснить бы не сумел странного чувства.

Матушка всякую перемену в жизни прозревает, как прозревает птица свою небесную дорогу.

Сердце услышал.

Советская власть о воспитании народа крепко печется. Соловками воспитывала, Беломорканалом. У нее даже тюрем нет — трудовые колонии.

Тоска объяла: «И во мне трус сидит. Этаким советский зайчишка».

Собирал этюдник, когда на дороге появились с корзинами, с лукошками женщины. Увидели батюшку, обрадовались. Под благословение пошли.

Благословил. А на краешке сознания горестное: этакое увидят, напишут куда надо.

«Куда надо!» — устоявшееся нынче словосочетание.

Могут посадить, могут закрыть храм.

Но женщины такие благодарные, такие домашние — семья. Приход! Легко стало на сердце.

В корзинах у всех грибы, в лукошках, в туческах ягоды.

— Пришла пора белых! — старшая из женщин, Анастасия (он и фамилию помнил — Мартынова), поставила перед ним свою грибную удачу: — Бери, батюшка! Справные какие грибочки-то!

— Красота! — согласился отец Викторин. — Увы! Грибы мне противопоказаны. Для печени тяжелы.

Знал, Мартыновым грибы — подспорье, у них семеро по лавкам.

Подружка Анастасии, Татьяна Хотеева, подала в руки батюшки лукошко с малиной:

— Не откажите! Полина Антоновна варенья наварит.

У Хотеевой пять дочерей и сынок. Старшая дочь замужем, вторая — студентка. Младшей — лет десять, а последнему, сыну, седьмой годок.

Дом у Хотеевых большой, красивый. Глава семейства, Дмитрий Тимофеевич, на локомотивном заводе работает. Нужный производству человек.

— Спаси Бог! — принял ягоды.

— Батюшка! Никак не запомню, ты по четным дням служишь али по нечетным? — Лицо Лукерьи Софроновой — святая простота, а вопрос ужасный.

Второй священник храма — отец Николай Кольцов, из местных. Архиерей перевел протоиерея Викторина из Огори в Людиново ради повышения. Отец Николай в ту пору служил диаконом. Это было в 34-м, а в 37-м грянуло судилище над церковно-кулацкой группировкой тринадцати.

Мужчинам, их было девять, — расстрел, четверем женщинам — десять лет лагерей...

Диакона Николая облекли в священнический сан, и уже через малое время пошло в жизни Свято-Лазаревского храма нестроение.

Невежество нового иерея отец Викторин терпел, но что поделаешь с народом? На службах отца Николая в храме пусто.

— Добрые вы мои прихожане! — Отец Викторин поклонился женщинам. — Церковь — дом Божий, нехорошо, когда в нем мало прихожан.

Женщины согласно кивали головами, а Мартынова за всех сказала:

— С тобой, батюшка, покойней. С тобой, батюшка, легче день дожить и завтрашнему дню порадоваться.

Вступать в спор, упрашивать?..

Погрустнел отец Викторин, и тут явно городская приезжая, потому-то, зная, во всем деревенском, задала вопросец:

— Батюшка, война будет?

Ответил строго:

— На дворе мир. Радуйтесь миру.

— Забудь про войну, и война тебя забудет! — зыркнула глазищами на молодуху умница Хотеева.

— Батюшка, а ты в прошлое воскресенье пришлых крестил. Из Огори к тебе приезжали! — опять спроста брякнула Лукерья.

— По старой памяти.

— В Огори церковь-то не закрыли?

— Служат.

Женщины торкали Лукерью: экие разговоры завела! Отец Николай письма на батюшку пишет, и ладно бы архиерею — властям. Всё-де не так у Викторина, всё против правил, против законных указаний. Чем больше пишет, тем меньше паствы видит. А где зависть, там и худо.

— Батюшка! — сказала Мартынова. — Батюшка, про войну мы знаем. «Если завтра война, если завтра в поход... побьем врага в его берлоге». Ты нам скажи главное, ты скажи, как все будет-то? Мы перемрем, батюшки состарятся... После нас-то без Бога будут жить? По своему разумению?

Отец Викторин засмеялся глазами, лицом — худым, болезненным — порозовел.

— С Богом в душе и с Богом в жизни будут жить внуки и правнуки, ибо сказано: «Услыши, Боже, глас мой... от страха вражия изми душу мою. Покрый мя от сонма лукавнующих, от множества делающих неправду». В истории всякое было. Храмы с землей выравнивали, целые народы становились рабами... Но когда вспоминали Бога, Бог приходил и спасал.

— А нас подавно спасет! — обрадовалась Мартынова. — Россия от века православная.

Попрощался отец Викторин с женщинами, к себе пошел, а навстречу — отец Николай. Воззрился на лукошко с малиной. Так воззрился, что забыл на «здравствуй» свое «здравствуй» сказать.

Благословение

До восхода солнца начинал служить утреню отец Викторин.

От семисвечника света больше, чем от окон.

Один пред Богом. Слово в пустом храме тоже одинокое, ударяется, как птица, о стены, ищет... Человека, должно быть.

Очень уж рано. Лазаревская церковь — кладбищенская, на краю Людинова. Старым далеко, а кто не стар, досыпают сладкие минуты перед заводскими гудками.

И матушки нет. Отправилась вчера в Пиневицы — Олимпиаду перевозить. Подводу в Людинове

нашли. Дал Бог Олимпиаде ума, красоты и уж очень много сердца. Обрела себя на жизнь старой девы. Хранила покой родителя и родительницы. Отец Александр преставился в 33-м году, теперь и матушка отошла к Богу, а дом, где половина жизни прожита, казенный. Олимпиада переезжала к брату. Профессия у нее востребованная, будет работать в людиновской больнице хирургической сестрой.

Все это в голове отца Викторина промельком; суетная обида царапает по сердцу. Протоиерей, восьмое поколение священников Зарецких и колокольный дворянин! Без кола, без двора. Собственности: крест, ряса и грехи. Прочь, суета! Прочь!

И услышал с клироса слова тринадцатого псалма: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог».

Будто время остановилось.

Спиною чувствовал огромное. Это огромное — всего лишь воздух. Но в воздухе, как на иконе Спаса, проступают лики: отец, сонм Зарецких. Людиновские священники: Петр Казанский, Афанасий Нагибин, псаломщик Алексей Бондарев, колчинские батюшки Александр Кушневский, Сергей Рождественский, из Курганья отец Петр Куликов, отец Николай Воскресенский. Сукремльский батюшка Георгий Булгаков. Все расстреляны, все стратотерпцы. А лики-то — стеною. Да что стеною — морем! Горем-морем. Он, настоятель Лазаревской церквушечки, на дне этого моря. Лики причтов всей земли Русской. Господи! Всех приходов! Всей братии и всего сестричества монастырского. И через море бескрайнее — лик Святейшего Патриарха Тихона. Воистину отца, человека русского.

Батюшка Викторин в изнеможении опустился на колени, пал на лицо свое:

— Господи! Изыми душу народа русского из бездны.

Бог ведает, какими жизнями оплачена русская правда, вера родная, православная.

Собрался с силами, закончил службу, поднял крест для целования. И от двери к амвону, постукивая посохом, направился кладбищенский сторож, пришел-таки на службу.

Из храма вместе выходили.

— Не горюй шибко-то! Без народа-де отслужил, — утешил батюшку Агафон Семенович. — Худого тоже не думай о Людинове! В тридцатом годе Людиново явило Богу свою любовь. В Казанском храме каждую ночь по дюжине человек затворялись. Комиссар Башкиров зверей Ленина на баб наших напустил. Латышские стрелки, слышал? Ткнуть штыком в живот беременной бабе зверью этому — как за ухом почесать. Вот, погляди — на!

Вытряхнул на ладонь ладанку. В ладанке Людиновская икона Божией Матери «Избавление от бед страждущих». Два дюйма на два.

— Эти малые иконки были сделаны для хрустальной трости Сергея Ивановича Мальцова. В трость собрали все лучшее, что произведено на его заводах. В Дятькове в Преображенском соборе иконостас был хрустальный и у нас, в Казанском.

— Где же все это? — вырвалось у отца Викторина.

— Поколотили... Ребятишки череп генерала, Сергея Ивановича, вместо мяча гоняли.

— И все это утрачено? — Батюшка держал в руках хрустали, как птенцов живых.

— Много чего утрачено! — Сторож принялся заворачивать в тряпицы хрустали, прятать в посох. — Над Царскими вратами благословляла народ «Тайная вечеря». Говорили, Леонардо своей рукой рисовал.

— Леонардо да Винчи?!

— Кто его знает! Мальцов, однако, великие деньги за икону пожертвовал. Большая икона до сих пор в Милане, а малая — Людиновская.

— Где же она?! Агафон Семенович!

Старик дал посох батюшке, глаза утер обеими ладонями:

— Латышский стрелок не поленился, полез, финкой вырезал «Вечерю» из рамы, своим кинул. — Из глаз сторожа мелким бисером сыпались слезинки. — Раздирали в клочья. Так волки добычу рвут, я это видел. И волков, и стрелков.

Отец Викторин взял старика за руку:

— Но разорванное... Ведь что-то могли пододать.

Старик крутнул головой:

— Батюшка! Были бы красноармейцы русскими, бабы докричались бы до их совести... А чужие? Чужие, сам знаешь, над русским народом всласть изгаляются... Все клочки сгребли и сожгли. Прямо в церкви. Иконы прикладами расшибали, кресты с куполов сорвали, колокола с колокольной уронили.

Сердце в груди отца Викторина росло и наполнило всю грудь.

— Агафон Семенович! Что-либо от хрустального иконостаса, хоть малость какую, уберегли?

Старик вдруг засмеялся:

— Звон хрустальный уцелел! До сих пор в ушах звенит. Штучек пять подвесок от пятиярусного паникадила имеется. Внучата мои солнышко хрустальными ловят.

— Не понимаю! Я не понимаю! — Отец Викторин всплескивал руками, как птица крыльями. — Уничтожили иконы, кресты... Но часы с боем? Люстры? Паникадила — это те же люстры!

— Четыре! Их было четыре в Казанском! — Сторож перекрестился. — Красота — она тоже Божия. Потому и ненавистна. Попомни мое слово, батюш-

ка! Все, что есть красота, заменят на безобразную погань.

Стояли, молчали. И вздрогнули разом. Тишина вздрогнула. Над Людиновом поплыли гудки заводов — локомотивного и Сукремльского чугунолитейного.

Сукремль к своим железным делам звал густо, по-богатырски. Побудка локомотивного была схожа с паровозными кликами. Паровозы в дорогу зовут, в дальние дали.

— Люблю это время, — сказал отец Викторин. — Когда народ на работу идет — Россию видишь.

— Да, это конечно! Вся Россия руки-то свои несет дело делать! — Сторож, смеясь глазами, смотрел, как легко взбегает отец Викторин на колокольню. На вид суровый, болезненный, но до чего же радостный человек!

Отец Викторин благословлял людей и город на труды. Для властей нынешних молитва и крест — мракобесие. Да Господь Бог Россию не оставит.

С колокольни народа не видно, а вот судьба его как на ладони. Где сходятся границы, там волна волну бьет. В здешнем краю мало двух — три границы сходились: Литвы, Московии, Черниговского княжества.

К Владимиру Красному Солнышку в пресветлый Киев из города своего, из Мурома, богатырь Илья ехал дебрями Брынского леса, скорей всего, через Людиново, и наехал на Соловья-разбойника.

Былины русские упираются в княжескую междоусобицу, но Бог послал на Маковец Сергия Радонежского, и срослось по святой молитве разрубленное на части тело Великой Руси. Вот только народу не пришлось передохнуть.

В Петербурге Петр, в Людинове — Демидов. При Петре железо кнутом добывали, из жил народа.

Руда «манинка», копанная для заводов Демидова в Людинове, слезами вымочена.

О петровском крепостничестве, о зверствах Демидова да Мальцова отец Викторин многое слышал от местных жителей. Людиново с окрестностями больше двух веков — царство рабочего народа. Железо и чугун, стекло и фаянс, паровозы и пароходы, локомобили, рельсы, чугунное литье: цветы, решетки, чаши, персидские кувшины, каминь... Все это — деяния генерала Мальцова Сергея Ивановича, его преемника Нечаева-Мальцова. Нечаев Музей изящных искусств в Москве построил.

А с народом было все то же. Сергей Иванович отечески призывал пороть сыромятными ремнями по пяти, по шести мастеровых ежедневно. Для вразумления и чтоб не шалили. Того, кто норму не выполнил, тоже пороли. За малое прилежание и ради будущих успехов.

Успехи были изумительные. Гостям давали мирового качества английский напильник и кусок железа из «манинки». Стирался напильник.

Было царство рабочих, теперь — Союз Социалистических Республик, Страна серпа и молота.

Батюшка обнял молчащий колокол, крест поцеловал:

— Господи! Помилуй народ-дитя! Ты же любишь детей, Господи!

Сошел с колокольни лицом ласковый, но глазами далекий. Агафон Семенович ждал батюшку.

— Не даю тебе сокровища хрустального, отец Викторин, сам понимаешь почему. Коли будут снова брать священников и прихожан, о стороже в последнюю очередь вспомнят.

— Я понимаю, — согласился отец Викторин. — Очень, очень надеюсь: люди хранят иконы, сосуды, ризы. Время воскресения нашей церкви придет!

— Чтоб воскреснуть, сначала помереть надобно! — сказал сторож беспощадно.

Ушел.

Отец Викторин смотрел на его посох, на согбенную спину. И вдруг ужаснулся. Увидел Гефсиманский сад. Услышал в себе: «Душа Моя скорбит смертельно».

Душа и впрямь скорбела и стонала. А все ведь слава Богу. Все пока мирно и нестрашно.

Вечер семейного счастья

Олимпиада привезла из Пиневицей красного дерева буфет, аналой (в семье помнили: прапрадедовский, наследство колокольных дворян Зарецких) и две иконы.

Буфет поставили в столовой.

— Праздник! — захлопала в ладоши Нина. — С таким чудом в большой комнате у нас всякий день будет праздник.

Аналой занял главное место в батюшкиной келье. Иконы поставили на божницу.

— «Предвозвестительница!» — прочла надпись Нина. — Какая редкая икона...

— Афонская, — сказал батюшка. — «Предвозвестительница» прославлена в трех афонских монастырях. Инок Зографской обители Она предупредила о пришедших с мечом и огнем латинянах, в Костамонитской чудесным образом наполнила кладовые припасами, а пустой кувшин — маслом для лампад. Но более всего меня поразил в детстве рассказ о царевне Плакидии. Царевна, нарушая монастырский указ, явилась в Ватопедскую обитель. Богородица спасла багрянородную пленницу от наказания смертью за гордыню. В юности я мучительно искал причину гибели нашего Царя и Царской семьи. Бог

наказал? Но за что? Народ русский ведь тоже наказан.

— О таком не следует вести разговоры! — сказала матушка Полина Антоновна.

— В детстве меня тоже пугала история царевны Плакидии, — призналась Олимпиада. — Я горевала об участи женщины. Почему даже непорочным девочкам, святым девам, святым матерям воспрещено молиться на Афонской Горе? Сердцем я и теперь не принимаю такого запрета.

— Про женщин я тебе вот что скажу. — Матушка встала рядом с Олимпиадой, смотрела на икону. — Не пускают на Святую Гору женщин поделом... Ты приди на службу в нашу церковь. Бабки не столько молятся, сколько судачат о батюшках: отец Викторин уж очень-де печется о бородке своей, а вот отец Николай, как лесник, зарос. Углядели, что я дырочку на батюшкиной рясе заштопала.

Отец Викторин кашлянул:

— Помолимся. Нина все уже на стол поставила. Помолитесь. Сели.

— Батюшка, дочь-то у нас выросла.

— Восьмой закончила? — спросила тетушка.

— Восьмой. А я уже тревожусь: примут ли в институт? — Матушка вздохнула.

— По Конституции все равны. Лишенцев теперь нет. Это нам запрещено было учиться в вузах, детям попов... У твоей дочери, Полина Антоновна, даже красота умная.

Нина засмеялась:

— Это у меня от учительницы. Она меня школит, как в пансионе благородных девиц.

Полина Антоновна взглянула на отца Викторина.

— Мы как сюда из Огори переехали, стали Ниночку немецкому и французскому учить. Мадам Фивейская преподавала когда-то в гимназии. — И снова посмотрела на батюшку.

— Согласен, — улыбнулся глава семейства, — это все представляется нелепым. Рабочий городок Людиново, дочка попа, никакого тебе высшего общества, заграничных вояжей... Но знание языков являет собой уровень культуры. Нина свободно читает Гёте. А Гёте на немецком языке — это иное, чем Гёте, улучшенный переводчиками.

Матушка подложила Олимпиаде на тарелку Ниночкиной стряпни:

— Оцени, как она у нас готовит!

Нина, сердясь, глаза в потолок подняла:

— Наверное, так расхваливают невест перед родителями женихов.

Отец Викторин рассмеялся:

— Нина! Ты же наше единственное богатство, единственная радость. Потерпи. А лучше всего — почитай нам.

Обед был с кагором. Щечки у Нины разругались. Она не спорила, почитала Гёте, стихи Виктора Гюго. Впрочем, с некоторым умыслом. Чтобы досадить, выбрала стихотворения весьма пространные.

Не досадила. Французская речь, немецкая речь... Музыка, и какая разная!

Отец Викторин взял книгу, привезенную Олимпиадой.

— Я словно бы в пенатах батюшки и матушки. С детства испытываю трепет, когда в моих руках этот том. «Полное собрание сочинений В.А. Жуковского. В двух томах. Санкт-Петербург. Книжный склад “Родины”, Литовская улица, собственный дом № 114. 1902 год». Все это было жизнью, у всего этого был адрес.

Открыл наугад.

— «Граф Габсбургский» (Из Шиллера). «Унди-на» (Старинная повесть из Ламот-Фуке). А вот и «Светлана»!

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали...

— «К Нине!» Слушай, Ниночка:

О Нина, о Нина, сей пламень любви
Ужели с последним дыханьем угаснет?

— Не надо! — запротестовала матушка.

— Хорошо. Будет вам «Фиалка»:

Не прекрасна ли фиалка?
Не прельщает ли собой?
Не амброзией ли дышит
Утром, расцветя весной?

То алеет, то бледнеет
Сей цветочек в красный день;
Сладкий дух свой изливает,
Кроясь в травке там, где тень.

Что же с нежною фиалкой,
Что же будет с ней, мой друг?
Ах, несчастная томится,
Сохнет и увянет вдруг...

— Ужасные стихи! — замахала руками Олимпиада.

— Но это — Жуковский!

— Я согласна на фиалку, которая прельщает, но зачем нам засохшая?

— Викторин, спой! — матушка улыбалась губами, а в глазах стояло давнее, дивное, в чем угадал он свое счастье.

Нина принесла гитару.

— Голубушка! А почему ты у нас не поешь? Почему гитары стало не слышно? В наше время

все пели, все играли. Чем увлечены твои сверстники?

— Играют, — усмехнулась Нина. — В футбол. Вот завтра будет сражение, улица на улицу.

— Футбол — это мужская битва, она занимает полтора часа. А что еще?..

— ОСОАВИАХИМ. Старшекласники в Жиздру ездят, с вышки прыгают. На парашюте...

Викторин Александрович ударил по струнам, запел:

Под душистою ветвью сирени
С ней сидел я над сонной рекой,
И, припав перед ней на колени,
Ее стан обвивал я рукой...

— Поля, а не забыла «Новые кирпичики»? И такое ведь пели.

Помню, как пошла я работницей
На помещичий двор, к господам,
Сколько зла от них испытала я,
Как страдала и мучалась там.
Но забил набат, наступил Октябрь,
И восстал угнетенный народ,
Сбросив рабства цепь, к быту новому
Он пошел неуклонно вперед.
С той поры моя изменилась жизнь.
Я узнала и счастье, и свет.
А на третий год меня выбрал сход
Кандидаткою в сельский Совет.

— Папа! Вы это пели? — вырвалось у Нины.

— Время пело. А жили мы все надеждами. Люди, голубушка, не столько живут, сколько надеются пожить. Потом, когда станет лучше.

Владыка взял листок бумаги, что-то долго рисовал и отдал мне.

Дом. Крыша с двух сторон рухнула. Посреди — заплата. На крылечке — женщина.

— Это я видел, когда пересекал Рязанскую землю по дороге в Калугу, — сказал владыка. — Проехать не удалось, дорога была разворочена и заросла.

Россия без России для владыки — личное горе. Лицо высокопреосвященного было спокойно, в самой осанке с ее монашеской замкнутостью и в глазах я не увидел обреченности.

Да не оскудеет в нас вера.

Не оставим Господа, и Господь не оставит нас.

Не обмелъчаем в любви к России, любовь-то и возродит нас для великих трудов, Родины ради.

Все Воинство Небесное с нами. И среди этого воинства — юноши и девушки Людинова, верящие в нас, потому что за нас отдали жизни, и с ними отец Викторин, пастырь.

Глаза предков — зрячие. Нельзя нам быть слепыми. Сие — непозволительно для русского человека.

Содержание

Слово к читателю	3	Оккупация	104
Людиновский батюшка	5	Пистолет в грудь	111
Благословение	11	Двоенко	117
Вечер семейного счастья	17	Безвременье	122
Сражение на футбольном поле	22	Просохнет ли роса?	125
Проповедь	32	Темная лужа на асфальте	128
Старец	37	Как протак умных	
Грозовые песни	40	надурил	132
Дела не для погляду	47	«Будем!»	137
Молитва в святом месте	50	Разведчица	141
Тетеревиная охота	55	Самозванство	148
Опасные стихи	58	Непобежденная	154
Ночь песен	63	Немецкая карта	159
Война	67	Керосин	162
Проводы	69	Хожение не зазря	164
Государственная тайна	73	Как немцы сами себя проучили	167
Учеба	78	Час правды	171
Орел	80	«Облекся»	175
Обман ради высшей правды	85	Внук и бабушка	180
Еще бы миг, и жизнь ждала иная...	90	Русские мальчишки	181
Отдание Воздвижения	95	Панихида	185
Немцы	98	«Получилось!»	189
		Партизан Лиза	192
		«Митя»	194

Прием у коменданта . . .	200	Ростовский	321	Арест К. А.	419	Самогон	442
«Ночь перед Рождест- вом»	206	Война минеров	326	Многая лета!	421	Слово Патриарха	444
Несчастья Ивановых . . .	209	Агеевка	329	Ложь и правда	424	О тех, кто выжил	446
Утрата	212	Оккупированное лето . .	332	Новая молитва	427	Всех обманувший, да суд у Бога	448
Советская жизнь	217	Гибель своего от своих . .	337	Курская дуга	429	Грехи каменные	452
Орел и ворон	221	Соцкий и пролитая кровь	339	В окружении	434	Память и памятники . .	455
Щука	225	Карьера предка	343	Золотая каша	436	Чудо	456
Откровенная беседа . . .	227	С крестом по Людинову	347				
Следователь Иванов . . .	233	Каины	350				
Начало минной войны	235	Победы графа Бенкен- дорфа	352				
Бой в Мосеевке	237	«Тонкая операция» Тай- ной полиции	356				
Выкуп	241	Провокация	358				
Сретение	244	Директор лесного банка	360				
Смерть агента	247	Гибель подрывника . . .	364				
Переводчица	250	Тяжелая жизнь подпо- лья	367				
Блины	254	Митькино геройство . . .	371				
Семен Щербаков	256	Глава вместо примеча- ния	374				
Диверсии	259	Трагический просчет . .	376				
Большая мина	262	Горькое письмо Непо- бежденной	378				
СС и русские мальчики	264	Цена доверчивости	380				
Беспризорник Щербаков	271	Служба в Колчине	383				
Прогулка с желтыми подснежниками	273	Новоселье	385				
Допрос на дому	277	Провал	387				
Работа Иванова	281	Кнуты и пряники	390				
Непрошенные гости	285	Допросы	394				
Браслет из платины . . .	288	Лясоцкие и Рыбкины . .	402				
Исповедники	293	Казнь	405				
Мины к празднику	298	Верить своим	408				
Побег из баньки	301	Расстрелянный Рыбкин	412				
Лесник Царьков	304	Непутевый провал	415				
Майские беды 1942 года	309						
Самолет со звездами . . .	311						
Война и вера	314						
Разведчицы	317						

*Книга издана при содействии
администрации г. Людиново и Людиновского района
и предпринимателей Олега Потапова, Алексея Хопченко,
Андрея Петрова, Олега Савинова и других.*

Религиозно-просветительское издание

Владислав Анатольевич Бахревский

НЕПОБЕЖДЕННЫЕ

**Герои Людиновского подполья
в годы Великой Отечественной войны**

Заведующая редакцией
духовно-просветительской литературы
Т. Тарасова

Редактор *М. Панфилова*

Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректоры *А. Артамонова, Т. Горячева*

Верстка *М. Алимпиев*

Дизайн обложки *С. Головки*

Подписано в печать 15.08.2012.

Формат 84 x 108 1/32.

Объем 29,0 печ. л. Печать офсетная.

Тираж 3 000 Заказ №

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18.

Оптовый отдел реализации:

(499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин: (499) 245-30-68

E-mail: books@rop.ru; [Http://www.rop.ru](http://www.rop.ru)